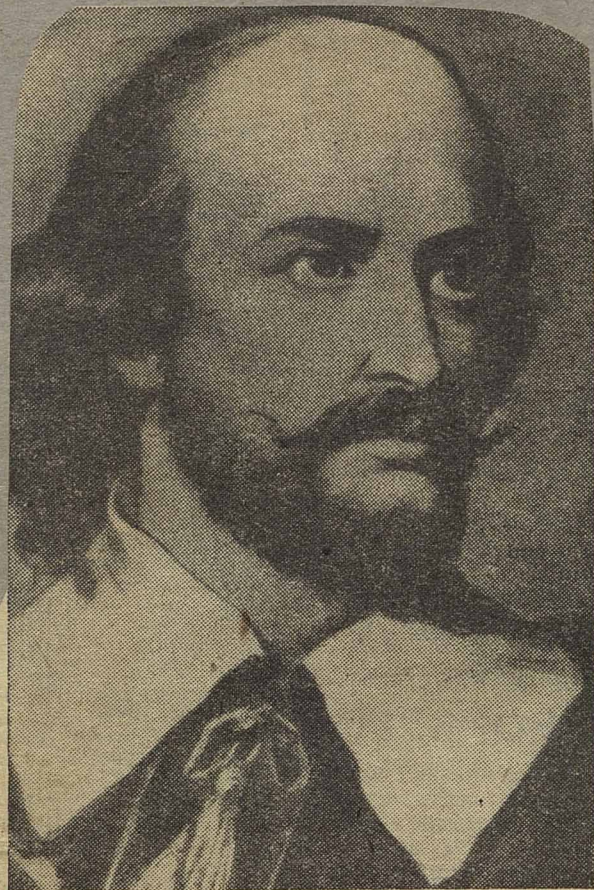

Что совершил бы он, будь у него
Такой же повод и подсказ для страсти,
Как у меня? —

то вдруг ловишь себя на мысли, что сам Шекспир — и есть воплощение собственного театралного идеала. В нем «дух» и «мечта», «действие» и «мысль» слиты до такой степени, что его пьесы нельзя воспринимать как просто текст для театра, это живая «страсть», разрывающая оковы слов и вторгающаяся в жизнь, в отношения людей, чтобы совершить в этих отношениях переворот.

Шекспиру выпало жить в одну из самых драматич- ных эпох мировой истории, когда «порвалась дней свя- зующая нить»: отживающий феодализм полностью ис- черпал себя, а буржуазные отношения, наряду с тем прогрессивным, что они несли на смену феодализму, сразу же обнаружили свои гнуснейшие пороки — фи- лософию и практику чистогана, продажности, голого денежного интереса.

ТИТАН РАЗУМА И БОРЬБЫ

Начав с искрящихся весельем и радостью комедий, в которых свободный ренессансный человек как бы праздновал свою победу над средневековыми, религи- озными догмами, Шекспир со временем пришел к же- сточайшим трагедиям.

Он видел, как подавляют свободу все еще могучие феодальные нравы, и гибель Ромео и Джульетты вы- росла у него до масштабов гигантского обвинения тем, кто поддерживал эти старые устои.

Но то был только первый плад современной Шек- спиру действительности. Зрение его было настолько острым, что он видел гораздо дальше. Он сумел од- ним из первых понять, что не только старые, но и но- вые, буржуазные порядки несут с собой зло человеку. Он видел крушение патриархально-рыцарских иллюзий в мире сухих денежных расчетов. Его великий совре- менник Сервантес изобразил это крушение в трагико- мическом жизнеописании Дон-Кихота. Шекспир же рассказал об этом в кровавой истории короля Лира и его дочерей, в трагедии Гамлета, который становится свидетелем того, как на смену его отцу — «идеально- му» человеку и государю — приходит расчетливый, преступный узурпатор Клавдий.

Однако и на этом не останавливается гений Шек- пира. Он поднимается до самого трагического конфлик- та эпохи, когда сталкиваются мир чистогана, расчетов, подлости и герой гуманистического, ренессансного склада. Таков Брут в «Юлии Цезаре». Таков Гамлет, Таков Отелло.

И когда охватываешь единым взором всю эту страш- ную картину века, нарисованную Шекспиром с потря- сающей воображение мощью и правдивостью, пони-

К четырехсотлетию со дня рождения В. Шекспира

маешь, как справедливы и безысходнотрагичны слова Гамлета:

Порвалась дней связующая нить.

Как мне обрывки их соединить!

Гамлет, человек, предназначенный исправить пороч- ный мир, истребить зло и восстановить на земле спра- ведливость, — самое любимое и самое великое созда- ние шекспировского гения.

Враги и фальсификаторы Шекспира не раз пытались представить великих его героев как людей слабых, раз- дираемых глубоко личными переживаниями и страст- ми. Сколько раз Отелло называли ревнивым себялюб-

цем, а Гамлета — безвольным, слабоха- рактерным челове- ком, который погло- щен идеей личной мести, но даже на

это не может решиться. Как далеки все эти домь- сы от той реальной правды и силы, которая бурлит, клокочет в шекспировских героях!

Факт остается фактом: Гамлет выбрал борьбу, Гамлет восстал — и погиб. Трагическое одиночество Гамлета, как и одиночество Брута, Отелло, Корделии и Кента в «Короле Лире» — вот что привело к гибе- ли большинство этих героев, а вовсе не их бездей- ственность и нерешительность.

Поиски в жизни титанов действия, встающих про- тив произвола, насилия и подлости, против кровопро- литных войн, против тиранов и узурпаторов власти, — все это делало Шекспира необычайно опасным для тех, кто веками держался на насилиях и войнах. Сто лет назад во Франции при маленьком тиране Луи Бо- напарте запретили праздновать трехсотлетний юбилей Шекспира. При Гитлере в Германии искажали пьесы великого драматурга. Чего только не делают буржуаз- ные шекспироведы, чтобы извратить Шекспира, сделать его сегодня менее действительным, менее «опасным»!

Тем, кто фальсифицировал Шекспира, хорошо ответил еще более столетия назад В. Г. Белинский: «Что Шек- спир, величайший творческий гений, поэт по преимуще- ству, в этом нет никакого сомнения; но те плохо пони- мают его, кто из-за его поэзии не видят богатого со- держания, неистощимого родника уроков и фактов для психолога, философа, историка, государственного де- ятеля...».

Шекспир и сегодня жив. Жив, пока перед каждым человеком встает вопрос: «быть или не быть» — искать в жизни покоя и смирения или борьбы, победы, счастья!

Г. ВЛАДИМИРОВ.

УДИВИТЕЛЬНО распоряжается история челове- ческими судьбами. Наверно, лишь немногие по- мнят сейчас, кто правил четыреста лет назад Англией, хотя имя это, казалось бы, намертво впе- чатано в летопись кровавыми буквами — королева Ели- завета. Но зато нет на земном шаре человека, который не знал бы имени сына провинциального торговца из Стратфорда-на-Эйвоне — Вильяма Шекспира.

Королева Елизавета сгоняла на первые капиталисти- ческие мануфактуры обезземеленных крестьян и дума- ла, что вершит судьбами страны и народа. Вильям Шекспир играл крошечные роли на подмостках перво- го в Лондоне театра, переделывал чужие пьесы и пи- сал собственные драматические хроники.

И все же, когда сравниваешь значение этих двух лю- дей в мировой истории (сравнение, конечно, рискован- ное!) — приходишь к парадоксальному выводу: именно «презренный лицедей» Вильям Шекспир, а не всемогу- щая королева Елизавета, повелевал историей, предвидел ее ход, торопил человеческий прогресс.

Это не покажется преувеличением тому, кто знает, сколько раз ставили Шекспира за эти четыре столетия, какие политические бури вызывали эти постановки, сколько раз его запрещали, искажали, переиначивали, чтобы вытравить его великие идеи, сколько у него было врагов и сколько друзей!

И когда Гамлет говорит знаменитые слова о бродя- чем актере, который потряс его изображением «вымыш- ленной страсти»: